

Литература и примечания

1. Окипавская хартия глобального информационного общества // www.unesco.ru/rus/pages/Admin01122004200114.php
2. Europe at the Forefront of the Global Information Society: Rolling Action Plan. Communication from the European Commission to the Council, the European Parliament, the Economic and Social Committee, and the Committee of the Regions. — 1996.
3. Тунисское обязательство, принятое на Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества (Тунисский этап) 18 ноября 2005 года: Док. WSIS-05/NUNIS/DOC./6 (Rev.1).
4. Тоффлер Е. Третья волна / Пер. с англ. А. Свен. — К.: Весвіт, 2000. — 453 с.
5. Права человека: Сб. междунар. договоров. — Нью-Йорк-Женева: ООН, 2002. — Т. 1. Универсальные договоры.
6. Human Rights and Intellectual Property: An Overview Intellectual Property Rights are Recognized as Human Rights in the Universal Declaration of Human Rights, 1948 // [www.wipo/int/tk/en/hr/panel_discussion/papers/opening-wipo/html](http://www.wipo.int/tk/en/hr/panel_discussion/papers/opening-wipo/html)
7. Drahos P. The Universality of Intellectual Property Rights: Origins and Development. — Geneva, 1999 (WIPO Publication N 762).
8. Всемирная декларация по интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2002. — № 4. — С. 14–18.
9. Ostergard R. L. Intellectual Property: A Universal Human Right? // Human Rights Quarterly. — 1999. — N 21.
10. Economics, Social and Cultural Rights. Intellectual Property Rights and Human Rights: Report of the Secretary General // Commission on Human Rights. Sub-Commission on the Promotion and Protection of Human Rights. Fifty-second Session. Item 4 of the Provision Agenda. / E/CN.4/Sub.2/2001/12.14 June 200112
11. Intellectual Property Rights and Human Rights // Sub-Commission on the Promotion and Protection of Human Rights. Fifty-second Session. Agenda item 4. — E/CN.4/Sub.2/2000, adopted 17 August 2000.
12. Комитет состоит из 18 экспертов и был учрежден ЭКОСОС в 1985 г.
13. Здесь и далее документ цитируется в русском переводе, опубликованном: Библиотека ЮНЕСКО по авторскому праву. — 2006. — № 1. — С. 1–18.
14. Culture as a Commodity? Intellectual Property and Expression of Traditional Cultures // WIPO Magazine. — 2003. — July-Aug. — P. 9–14.
15. Нарезкина Ю. Традиционное знание в системе интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2005. — № 11. — С. 59–63.
16. Американская декларация прав и обязанностей человека 1948 года; Дополнительный протокол к Американской Конвенции о правах человека в области экономических, социальных и культурных прав 1988 года («Сан-Сальвадорский протокол»); Конвенция о защите прав человека и основных свобод; Африканская хартия прав человека и народов (Бажжуская хартия).

УДК 316.752:291.16

О. А. Довгополова

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЦЕННОСТНОГО КАРКАСА ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА ОТТОРЖЕНИЯ

Всякое общество в процессе своего развития формирует некий ценностный каркас, который, в конечном итоге, определяет особенности его культурного облика. Очевидность этого ценностного каркаса иллюзорна — как правило, истинные ориентиры скрываются под мощными напластованиями «общечеловеческой» риторики и патетических заявлений. Философско-правовые изыс-

© О. А. Довгополова, 2008

кания могут оказаться продуктивными в контексте попыток «прощупывания» упомянутого ценностного каркаса, ибо именно в праве фиксируются границы дозволенного и недозволенного в данном варианте социального пространства.

Представляется достойной внимания методика выяснения сущности аксиологических ориентаций социума на основе очерчивания контуров того, что данное общество признаёт неприемлемым в своих пределах. Границы Отторжения, возможно, даже лучше демонстрируют суть основных ценностных «пиков» общества, чем его (общества) позитивные декларации. Отторжение вписано во всякий проект идентификации как средство такого расчерчивания пространства нормального, при котором не оставалось бы сомнения в правильности этого способа устройства мироздания (глядя в сторону неприемлемого, мы начинаем понимать, что есть нормальное). Именно эту функцию фиксирования сущности неприемлемого в картине мира сделал центральной темой своих исследований Мишель Фуко. Описание комплекса отторгнутого, «лишённого голоса» позволило Фуко найти тот ранее неизвестный ракурс рассмотрения социума, который благодаря сведению воедино, казалось бы, совершенно разнородных явлений позволил создать единую картину Исключения, являющуюся одновременно механизмом воспроизводства социума.

Однако мы обеднили бы картину отторжения, если бы представили его единственную воспроизводящую функцию. Важно помнить и о столь значимом факторе, как *уровень* отторжения — предельное (уничтожить) или более или менее попустительское (не допускать к сфере воспроизводства, воздерживаясь при этом от физического уничтожения, — вариант терпимости).

Рассмотрение пространства Отторжения как неоднородного, разбитого на области Нестерпимого и Терпимого, предоставляет дополнительные исследовательские возможности. Сделав объектом рассмотрения комплексы Отторжения, выработанные конкретными вариантами социального пространства, и проанализировав мотивы вынесения того или иного феномена в область Нестерпимого или Терпимого, мы сможем прочертить своеобразную иерархию ценностей. Объекты предельного отторжения укажут нам на жизненно важные узлы, которые должны быть любой ценой защищены от какого бы то ни было «прикосновения». Терпимое же обнаружит перед нами ценности «второго порядка» (если можно так выразиться), то есть то, что признаётся значимым, однако по отношению к чему можно допустить некоторую «потерю бдительности». Такой подход оправдан, ибо зачастую социум декларирует как принципиально значимые вовсе не те ценности, которые реально таковыми оказываются.

Дабы не быть голословной, предлагаю вниманию читателя конкретную исследовательскую разведку. В данном тексте проанализированы тексты королевских и парламентских деклараций о взаимоотношениях конфессий в Англии 1685–1689 гг. (с момента воцарения Якова II Стюарта до Славной революции). Напомню, что сложность политической ситуации, породившей эти документы, заключалась в непримиримом противостоянии парламента и Стюартов, находившем внешнее выражение в полемике по поводу веротерпимости. Католические ориентации Стюартов входили в противоречие с требованиями пар-

ламенту сохранять Church of England, что являло лишь верхушку «айсберга» данного конфликта — противостояния приверженцев французского варианта абсолютной монархии («Государство — это я») и ревнителей традиционной английской формулы «короля в парламенте». Конфликт достиг апогея в момент прихода к власти Якова II Стюарта, не скрывавшего принадлежности к католической церкви, и закончился Славной революцией, повлекшей отстранение Стюартов и возведение на престол Вильгельма Оранского. Сравнение содержания комплексов Отторжения в документах Якова II и Вильгельма обнаружит перед нами единую иерархию ценностей, суть которой не меняется в зависимости от позиций авторов. Эти соображения привели автора данных строк к решению остановиться на анализе трёх *Declarations of Indulgence* Якова II (Шотландская декларация была провозглашена в феврале 1687 г., а две Английские — в апреле 1687 г. и апреле 1688 г.), а также *Toleration Act*, изданного в 1689 г. от имени Вильгельма Оранского. Документы Якова II не нашли поддержки парламента, в то время как Акт Толерантности вступил в силу. Однако все они в равной мере всколыхнули английское общество, сфокусировав его внимание на проблеме установления границ между нормальным, терпимым и нетерпимым.

Стоит заметить, что во всех упомянутых документах понятие *толерантности* оказывается абсолютным синонимом попустительства, снисходительности, *Indulgence*. Предоставление конфессиям права на существование отнюдь не мыслилось как признание их равноценности. Этот момент полезно иметь в виду, чтобы не поддаваться иллюзиям современной трактовки понятия толерантности.

Попытка обобщения комплексов отторжения в упомянутых документах приводит к следующим выводам. Позволю себе пойти в изложении не хронологическим путём (анализируя каждый документ в отдельности), а группируя материалы всех документов по отдельным вопросам — что признаётся в них терпимым, а что — нетерпимым. Поставленные рядом, требования противоположных сторон особенно ясно обнаруживают укоренённость в едином ценностном субстрате.

Как представлен в наших документах вариант смягчённого отторжения? В Шотландской декларации толерантности (1687) Яков II предоставляет терпимость умеренным пресвитерианам и квакерам, но при условии, что они не будут высказываться против блага и спокойствия королевства. Пресвитериане получили право проводить религиозные собрания в частных домах, но ни в коем случае не в неконтролируемых публичных пространствах [3]. Текст декларации упоминает случай, когда снисхождение оказывается не по факту владения собственностью, а именно бывшими церковными землями, секуляризованными в ходе Реформации. С точки зрения короля-католика владение этими землями должно быть грехом, который он в силу определённых причин оставляет без наказания.

В английской *Declaration of Indulgence* 1687 г. король провозглашает приостановку всех законов, которые наказывают за неконформизм, — каждый

человек получает право исповедовать веру таким образом, каким он считает нужным. Однако это разрешение даётся только тем, чей способ служения не отчуждает сердца от короля и правительства, а также чьи религиозные собрания являются мирными, открытыми, проводятся публично и если участники не принуждаются к участию в них. Как ни странно, на первом месте в ряду объектов терпимости оказывается *Church of England*, государственная церковь, представителям которой гарантируется возможность исповедовать свою религию, а также в полном объёме владеть своим имуществом [1]. В этом контексте стоит заметить, что целью принятия документа Яков II обозначает не просто прекращение распрей на религиозной почве, но экономическое процветание государства. Появление «экономического» мотива в декларациях снисходительности (как в Шотландской, так и в Английских) указывает нам на причину готовности короля терпеть грешников среди своих подданных — он понимает, что это будет способствовать процветанию государства.

В следующей *Declaration of Indulgence*, провозглашённой Яковом II в 1688 г., появляется очень интересная фраза: «*We must conclude, that not only good Christians will join in this, but whoever is concerned for the increase of the wealth and power of this nation*». То есть не только добрые христиане подпадают под действие документа, но и все, кто способствует увеличению благосостояния и мощи этой нации. Подразумевает ли король под «не только добрыми христианами» представителей других религий или только неких «плохих» христиан? Что бы ни имел в виду король, мотив предоставления терпимости остаётся абсолютно прозрачным — мы будем терпеть кого угодно, кто способствует благосостоянию нации.

Кого же готовы терпеть в пределах своего государства их протестантские величества Вильгельм и Мария? В *Toleration Act (1689)* объектом терпимости становятся группы протестантов, не принадлежащих к англиканской церкви, однако выполняющих определённые требования. Нонконформисты должны осуществлять церковные выплаты, которых требует *Church of England* (§ VI), что является необходимым условием возможности занимать государственные должности (§ VII). Представители нонконформистского духовенства должны принять соответствующую присягу (§ VIII). Государство обещает закрыть глаза на некоторые конфессиональные особенности нонконформистов — терпимыми признаются сомнения в необходимости крещения младенцев (§ X), празднования воскресенья (XVI) или возможности присягать (§ XIII). В последнем случае присяга заменяется подписанием соответствующей декларации верности (*declaration of fidelity*). Представителей нонконформистского духовенства допускается освобождать от исполнения обязанностей присяжных, а также общественных обязанностей церковного характера (§ XI).

Характер опасности, идущей от нонконформистов, детерминируется вопросами общественного спокойствия и безопасности. Согласно тексту декларации верности (*declaration of fidelity*) диссентер должен был поклясться в верности королю Вильгельму и королеве Марии, а также в том, что он не согласится с возможностью распространения какой-либо иностранной силы на территории

этого королевства. Символ веры, который должны признать все, кто претендует на блага снисходительности, содержит самые общие постулаты христианства — его и католик подписал бы, если бы ему дали.

Полезно обратиться к мотивации нетерпимости, дабы на фоне описанной готовности терпеть самые разнообразные формы понимания религиозного долга более чётко увидеть, что оказывается абсолютно неприемлемым для авторов анализируемых документов.

Итак, в тексте Шотландской декларации толерантности (1687) Яков II отказывает в праве на существование радикальным пресвитерианам, так называемым *Field-Conventiclers*, собирающимся на богослужения «в поле», т.е. не в неких специально отведённых для этих целей местах (которые можно было бы контролировать) — ибо на тайных собраниях зреет измена [3]. Обратившись к Акту Толерантности 1689 г., мы обнаружим, что целью принятия документа оказывается объединение *протестантских* подданных Их Величеств — существование непротестантов признаётся невозможным. Среди протестантов статус абсолютно отторгаемых получают те, кто не принадлежит к англиканской церкви и при этом собирается для богослужения в помещении с закрытыми дверями (§ V). Текст подчёркивает — «*with the doors locked, barred, or bolted*». Никакие бенефиции не будут предоставляться папистам, папистским бунтовщикам, а также любому человеку, который отрицает доктрину Святой Троицы (§ XVII).

Не кажется ли странным, что в документах, специально посвящённых взаимоотношениям конфессий, *содержание* религиозных убеждений практически вообще не упоминается? Значимой является позиция по отношению к государству. Упомянутые документы создавались разными авторами, причём находящимися «по разные стороны баррикад», однако общие основания выделения терпимого и отторгаемого в документах очевидны. Отторжение ждёт тех, кто представляет угрозу для королевской власти. Если же ты доказал свою безвредность для государства, становишься потенциальным объектом терпимости. Однако, чтобы у властей появился мотив проявить снисходительность к твоим ошибочным убеждениям, ты должен внести вклад в благосостояние государства.

Несложно представить себе общие контуры ценностного каркаса английского общества XVII в. В контексте того, что рассмотренные документы специально посвящены конфессиональному вопросу, особенно явственным становится факт, что благополучие государства оказывается в числе определяющих ценностей, в то время как проблема чистоты веры, столь бережно хранимая в предшествующие столетия, оказывается среди очень значимых, однако не определяющих. Эта переориентация аксиологических ориентаций была бы не столь очевидной для нас, если бы мы просто поверили англичанам XVII в. «на слово», ибо содержанием «позитивных» политических программ этого периода оказывается как раз желание защитить свою веру от нападков многочисленных врагов. Присмотревшись же к «негативной» аргументации, мы обнаруживаем более ясные контуры ценностных ориентаций эпохи.

Таким образом, обращение к образу отторгаемого, а также определение соотношения степеней отторжения по отношению к различным социальным феноменам создаёт дополнительные ракурсы исследовательского взгляда. Представленный здесь вариант анализа призван обнаружить механизм работы данного метода – автор этих строк ставил себе целью не приращение знания касательно конфессиональных вопросов в XVII в., а максимально прозрачную демонстрацию механики исследования «через отторгаемое». Использование негативной «картинки» эпохи, а также понимание многоуровневости отторжения оказывается продуктивно в философско-правовых разработках.

Литература

1. Declaration of Indulgence of King James II, April 4, 1687 // English Historical Documents, 1660–1714 / Ed. by A. Browning. — London, 1953. — P. 399–400.
2. Declaration of Indulgence of King James II, April 27, 1688 // English Historical Documents, 1660–1714 / Ed. by A. Browning. — London, 1953. — P. 400.
3. Scottish Declaration of Toleration, February 12, 1687 // www.jacobite.ca.
4. Toleration Act, 1689 // English Historical Documents, 1660–1714 / Ed. by A. Browning. — London, 1953. — P. 400–403.

УДК 340.11:165.12

Н. Б. Капустина

КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ (ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ)

Правосознание дает возможность личности на основе правовых чувств и установок выражать свое отношение к действующему праву. Правосознание формируется в обществе в процессе правовой социализации, когда индивид усваивает определенные знания, нормы, ценности, которые позволяют ему функционировать как полноценному члену общества. Состояние общества на том или ином этапе своего развития влияет на правосознание индивида. Если в обществе право признается важнейшей социальной ценностью, то и у личности больше возможности сформировать ценностное отношение к праву, если же в обществе преобладают скептические и нигилистические настроения то и у личности вырабатывается противоречивое отношение к праву, что часто приводит к кризису правосознания. В научной литературе советского периода категория правосознания оказалась опосредованной экономическим базисом и носила явно классовую окраску. На современном этапе развития науки, несмотря на явный прогресс в изучении этого явления, феномен правосознания также трактуют несколько однобоко, что связано с повышением интереса к проблематике правового государства и прав человека. Конец XX столетия ознаменовался крушением многих рационалистических мифов о человеке, обществе, праве и государстве.